
ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 327
ББК 66.4(0)

DOI 10.22394/1682-2358-2023-1-4-12

Liu Jinyuan, post-graduate student of the Comparative Political Science Department, People's Friendship University of Russia

CHINA'S POSITION IN THE SYSTEM OF GLOBAL GOVERNANCE

The concept of global governance and the specifics of its implementation in different countries of the world are considered. The policy of China's global governance at different stages of its historical development is analyzed. The author focuses separately on the challenges of the modern era, China's position on countering them, the further role of China in world politics.

Key words and word-combinations: global governance, China, Russia, USA, China's position.

Лю Цзинюань, аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (email: liujingyuan@mail.ru)

ПОЗИЦИЯ КИТАЯ В СИСТЕМЕ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Рассматривается понятие глобального управления и специфика его осуществления в различных странах мира. Анализируется политика глобального управления Китая на различных этапах его исторического развития. Изучаются вызовы современной эпохи, позиция Китая по противодействию им и роль страны в дальнейшей мировой политике.

Ключевые слова и словосочетания: глобальное управление, Китай, Россия, США, позиция Китая.

Глобальное управление — это комплекс формальных и неформальных институтов, механизмов, отношений и процессов, существующих между народами и распространяющихся на государства, рынки, отдельных граждан и организации как межправительственные, так и неправительственные, посредством которых на глобальном уровне определяются коллективные интересы,

устанавливаются права и обязанности, разрешаются споры [1]. В современных условиях развитие глобального управления представляется возможным за счет культурного обмена, доступности информационных ресурсов, интеграции государств в единое экономическое пространство и связанной с данным процессом оптимизацией финансовых потоков, а также открытостью обществ и социальных институтов. Демократизация управленческих систем — это еще одна особенность, являющаяся причиной к возникновению глобального управления. В настоящее время растет интерес развивающихся государств к интернациональному сотрудничеству, которое дает им возможность преодолеть технический и культурный разрыв по отношению к развитым государствам.

В научном сообществе принято рассматривать глобальное управление, с одной стороны, как результат процессов интеграции, а с другой — как способ организации их стихийных проявлений. Трансформация современной политической системы заключается в изменении статуса и функций такого неотъемлемого элемента существования государства, как суверенитет. Вслед за его изменениями соответствующие трансформации происходят в оставшихся звеньях управленческой цепи. Так, ряд государств вынужден при проведении внутренней политики опираться на тенденции и принципы, выдвинутые мировым сообществом. Определенное влияние данные элементы оказывают и на гражданское общество, включающееся в межгосударственное взаимодействие. Растет количество международных общественных организаций и объединений, оказывающих посильный вклад в решение глобальных проблем, в частности, в сфере экологии и здравоохранения.

Система глобального управления обеспечивает стратегическое направление и координацию международных усилий, ее приоритетами являются эффективное взаимодействие стран — участниц международных организаций и объединений с учетом их национальных интересов. История системы глобального управления берет отсчет с конца Первой мировой войны, когда лидеры победивших государств объединились с целью создания постоянно действующего форума — Лиги Наций; уже тогда на мировой политической арене выделились крупнейшие игроки, так называемые «сверхдержавы» — Италия, США, Великобритания и Франция, сохраняющие свои лидирующие позиции и по сей день.

Спустя четверть столетия состоялась повторная делегация стран-союзников, в задачи которой входило создать новый институт, способный заменить политически недееспособную Лигу, а также минимизировать экономические последствия межвоенного периода. В результате при преобладающей роли США в дискуссионном процессе началось формирование Организации Объединённых Наций, включающей в себя

Совет безопасности, а также такие специализированные агентства, как Всемирный банк, МВФ и Генеральное соглашение о тарифах и торговле. Данные учреждения призваны были вести многовекторную международную политику с учетом разделения власти по каждому профилю. Подобная модель имела пирамидальный характер, предусматривающий наличие одной страны на вершине и строгое подчинение оставшихся слоев ее влиянию. Такая система стала доминирующей для послевоенной эпохи.

К концу XX столетия наметилась новая политическая тенденция, связанная с увеличением роли периферии в международной политике, новые региональные державы не только повысили уровень своего развития, но и начали предъявлять столь высокие требования прежним лидерам, к которым сами оказались не готовы. Так, США, имевшие прежде право вето на основные финансовые решения, столкнулись с тем, что коалиция из трех и более государств, являющихся членами той же международной организации, могут поступать ровно так же, следовательно, противостоять им.

Кроме того, в новую эпоху обнаружилось явные недостатки в раздробленности учреждений, осуществляющих международную политику, из-за которой каждая из организаций курирует исключительно свое направление, практически не согласовывая свои действия с остальными, в первую очередь за счет отсутствия единого центра принятия управленческих решений. В результате наблюдаются формально объединенные единицы, руководствующиеся исключительно собственными принципами, с помощью представителей пытающихся навязать мировому сообществу выгодные для себя условия взаимодействия.

Несмотря на то что ООН позиционирует себя как действующую площадку для сотрудничества и поиска компромиссов в решении вооруженных конфликтов, позиции и интересы ее постоянных членов, в частности России и США, существенно разнятся. Для руководства США по-прежнему остается актуальной позиция Америки как мирового лидера, к которому иные страны обязаны обращаться за помощью. Подобное мнение не раз высказывалось в публичных выступлениях У. Клинтона и Б. Обамы [2]. Ведущим аргументом в пользу такой позиции они выдвигали роль, исполненную Америкой после Второй мировой войны, когда благодаря ее финансовой поддержке многие страны сумели стабилизировать свое положение и неформально признали США в качестве своего кредитора.

Россия рассматривает ООН как организационный центр, регулирующий международные отношения и координирующий мировую политику, в ходе многолетней истории доказавший свою легитимность и зна-

чимость в решении вопросов, касающихся обеспечения безопасности. Позиции Российской Федерации в мировом сообществе в настоящее время нельзя считать устойчивыми, так как Российское государство нуждается в построении активного диалога с отдельными странами — кандидатами на вступление в качестве постоянных участников в Совет безопасности ООН. Наиболее целесообразным представляется налаживание политических связей с Бразилией, Индией и ОАЭ, сегодня сохраняющими официальный нейтралитет в вопросе о лидерстве между Россией и США.

Для недопущения перелома ситуации в пользу России США предпринимают попытку трансформации собственной системы лидерства, выраженную в концепции «умной силы», то есть сбалансированном сочетании «мягких» и «жестких принципов» управления. В результате прежняя пирамидальная система уступает новой, принимающей форму паутины. Такая структура позволяет США с помощью стран-союзников продвигать собственные идеи на заседаниях ООН, чем обусловлена всесторонняя поддержка Соединенными Штатами Америки демократических процессов в развивающихся странах.

Европейский союз в системе глобального управления придерживается позиции о том, что сближение норм, политических институтов и идей способствует укреплению мира. Свое влияние на мировую политику ЕС распространяет посредством использования инструментов «мягкой силы» и мультилатерализма, предусматривающего возможность каждой страны пользоваться личными привилегиями в построении взаимоотношений со всеми партнерами. Тем не менее важнейшей проблемой Европейского союза остается отсутствие единых стратегических целей у стран-участниц. Эта тенденция проявляется в отсутствие поддержки государств — членов Большой семерки со стороны иных стран, а также связана с особенностями их внешнеполитического курса.

Ч. Грант, директор Центра европейских реформ, считает, что ЕС потенциально способен влиять на систему государственного управления, однако в настоящее время его позиции отводится незначительная роль в международных переговорах. Преодоление управленческого кризиса Европейского союза Ч. Грант видит в стабилизации валюты, принятой на территории ЕС, выработке единой линии в проведении внешней политики, а также повышении военного потенциала [3, с. 162].

Индия в этом смысле — относительно новый участник международных отношений, ее политическая активность проявилась с 2014 г., с этого времени ей удалось значительно расширить партнерские взаимоотношения с другими странами, сохранив при этом уже устоявшиеся партнерские связи. Примечательна позиция Индии в отношении

контактов между нею, Китаем, США и Россией, где она стремится придерживаться нейтралитета. Во многом это объясняется предыдущим политическим опытом страны, бывшей участницей Движения неприсоединения. При этом с приходом к власти кабинета Н. Моди Индия начала многовекторную политику, став членом таких разнонаправленных организаций, как БРИКС, РИК и ШОС [4, с. 113]. В сфере глобального управления страна стремится поддерживать политическую активность развивающихся государств на международной арене, бороться за их право на то, чтобы иметь голос при решении глобальных вопросов.

Анализируя роль Китая в системе глобального управления, нельзя не отметить особенности его внутренней организации, выраженные в концепции научного социализма. Развитие данной теории с преломлением на традиционную китайскую культуру началось в 1840 г., когда китайская цивилизация впервые столкнулась с капиталистической культурой Запада. К сожалению, первые попытки взаимодействия обернулись для Китая провалом. После поражения в Синьхайской революции была произведена реформа элементов национальной политики, тем или иным образом совпадающих с принципами западных идеологий [5, с. 77]. В результате Китай начал придерживаться более подходящей теории, способной интегрироваться в его общественно-политические условия, — марксизма.

Причиной успешности данной идеологии стала выдвинутая политическими элитами концепция о сохранении традиционных китайских управленческих принципов в качестве «ядра» политической культуры, а также использование западного опыта для расширения духовного богатства Китая. Особую роль в совершенствовании управленческой системы Китая и улучшении его социального и экономического благополучия сыграли реформы, проведенные Дэн Сяопином. Значительное влияние на их проведение оказало посещение им Советской России в период успешной реализации ею политики нэпа, которая стабилизировала ее экономику в послевоенный период. Возвратившись в Китай, он привлек ученых в области обществознания к проведению анализа политики прошлого руководства с целью выявления в ней ключевых ошибок [6, с. 156].

Исследования натолкнули Дэн Сяопина на проведение решительных изменений во внутренней политике Китая, вследствие чего он начал реформу по переводу страны на рыночную экономику — достаточно рискованное предприятие для социально-экономического развития Китая того периода. Во многом ее распространению способствовал возврат национальной идеологии к конфуцианству, забытому во

время политического курса Мао Цзэдуна. Данный подход имел успех и потому, что изначально теория конфуцианства строилась на позициях укрепления и централизации власти, воспринятых обществом. Принципы, основанные на уважении и беспрекословном подчинении старшему поколению, помогли повысить дисциплину в управленческих и промышленных структурах, избавиться от присутствия в них безынициативных людей.

Дэн Сяопином впервые была высказана идея о «китайской мечте», которая впоследствии конкретизировалась в ориентации страны на рост промышленности, наращивание военного потенциала, внедрение нововведений науки и техники в сферу сельского хозяйства. В отличие от изначальной марксистской теории китайская адаптация предусматривала наличие в экономическом секторе различных видов собственности и не стремилась к позиционированию капиталистов как классовых врагов, что помогло избежать борьбы между государством и гражданским обществом [7, с. 28]. Во внешней политике генеральным секретарем КПК в конце XX в. была поставлена задача по внедрению принципа открытости в международных взаимоотношениях. Данное стратегическое решение позволило китайским компаниям начать инвестиционную деятельность за рубежом, запустить процесс глобализации в экономической сфере [8, с. 80].

Участие и позиция Китая в международных отношениях претерпели существенные изменения на рубеже столетий. Принципиальные трансформации произошли в его внешнем курсе в период 1980–1990-х годов, когда нормализовались взаимоотношения с большинством стран и осуществился переход к концепции многополярного мира, появление которой прежде всего связано с личностью Цзян Цзэмина, выработавшего ее главные тезисы в 1990 г. На тот момент Китай делал акцент на выстраивании экономических связей с иными государствами и отказывался от вступления в двухсторонние союзы со сверхдержавами.

С начала 2000-х годов экономический потенциал Китая становится значительно выше и в совокупности с использованием им инструментов «мягкой силы» позволяет претендовать на роль «сверхдержавы». Тем не менее КНР продолжает выступать за политику поддержания международной политической системы за счет принципов мирного сосуществования.

Современная политика Китая характеризуется двойственностью его позиций, важнейшим ее достижением стало преодоление принципа регионализма во внешней политике, а также вынесение на повестку дня в КНР проблем глобального характера, таких как борьба с мировым финансовым кризисом, противодействие террористическим угро-

зам, экологическим катастрофам, рост заболеваемости. Лидерами КНР была высказана идея о том, что с каждым годом судьба Китая становится ближе к судьбе всего мира, а значит, государству необходимо развивать всестороннюю дипломатию для создания новых институтов по преодолению имеющихся вызовов времени.

Внешняя политика Китая на современном этапе имеет ярко выраженный психологический характер, связанный с так называемым комплексом «развивающегося государства», вынужденного подчиняться общемировым тенденциям и в соответствии с ними изменять внутреннюю политику. Во многом чувствовать себя уверенно на международной арене Китаю позволяют успешно проведенные экономические реформы, благодаря которым он эффективно ведет стратегический диалог с США, входит в Шанхайскую организацию сотрудничества.

Принципы КНР в реализации международной политики:

— проведение многовекторной дипломатии, направленной на снижение влияния стран Запада (в частности США) на военно-политическую обстановку в различных регионах мира;

— налаживание логистических связей с целью обеспечения населения Китая стратегически важными ресурсами, обеспечение безопасности маршрутов доставки сырья;

— противодействие созданию условий для формирования антикитайских коалиций, а также усиливающемуся в общемировом сообществе негативному восприятию Китая как агрессивного политического лидера;

— стремление к решению национальных и глобальных проблем посредством межгосударственного сотрудничества, преимущественно мирным путем;

— маневрирование при возникновении сложных политических ситуаций, к примеру, в противоборстве России и США [9, с. 546].

Взаимодействие КНР с ООН началось с 1945 г., года ее основания, однако за длительное время своего членства в данной международной организации Китаю удалось пройти путь от новичка в глобальной политике до одного из ведущих последователей и сторонников ООН как организации, способствующей поддержанию миропорядка. С 2005 г. Китай начал использовать трибуну ООН в качестве площадки для провозглашения собственных принципов. Так, Ху Цзиньтао на встрече глав государств, состоящих в ООН, выдвинул идею о совместном построении гармоничного мира на принципах культурного разнообразия [10, с. 158]. Имея возможность использовать право вето, Китай не злоупотребляет им, ведет себя весьма осмотрительно и применяет его только в том случае, когда дело касается покушения на принцип «од-

ного Китая». Среди членов ООН наиболее прочные взаимоотношения связывают КНР с Россией, единогласно высказавшихся в 1999 г. за сохранение в неизменном виде уставных полномочий членов Совета Безопасности при ООН.

Концепция Китая, состоящая в его подходе к глобальному управлению, тесно связана с личностью Си Цзиньпина. Так, в ноябре 2012 г. Концепция сообщества единой судьбы человечества впервые была провозглашена Си Цзиньпином на XVIII съезде КПК. 2 ноября 2015 г. китайский лидер убедительно разъяснил основные положения программы совместного формирования новых партнерских отношений внешнеэкономического и внешнеполитического сотрудничества и взаимного выигрыша, создания сообщества единой судьбы на 70-й сессии ГА ООН.

КНР стала основоположником концепции «совместных консультаций», в ходе которых развитые и развивающиеся страны могут решать совместные и глобальные проблемы, модернизироваться и повышать научно-технический уровень развития. Сочетание традиционной китайской философии — конфуцианства с социалистическими идеями эффективно себя продемонстрировало в кризисной ситуации между Россией и США, где Китай сумел обрести баланс во взаимоотношениях с двумя государствами, найти в их политике принципы, близкие ему, и в результате понести наименьшие экономические потери в период многочисленных санкций со стороны обоих государств по отношению друг к другу.

Специалисты Китая в области международных отношений по-прежнему считают, что в настоящее время КНР не способна противостоять США по уровню военного потенциала, к тому же ее политические идеи пока что не обретают популярности в соотношении с «мягкой демократией США». К тому же напряженные взаимоотношения Китая с Тайванем не дают возможности КНР чувствовать себя уверенно в поддержании национальной безопасности. Оптимальным решением в сложившейся ситуации может быть, во-первых, распространение китайской идеологии путем расширения культурного обмена между КНР и другими странами не только среди студенческой, но и рабочей молодежи, научной интеллигенции, а также публикации научных трудов на национальных языках этих стран с доступными для широкой аудитории комментариями. Во-вторых, КНР следует учитывать интересы развивающихся стран, оказывающих Китаю дипломатическую помощь в международных переговорах. Безусловно, благодаря взвешенной и миролюбивой политике, Китаю удастся усилить свое влияние на мировой политической арене.

Библиографический список

1. *Weiss Th., Thakur R.* The UN and Global Governance: An Idea and its Prospects. University of Indiana Press, 2003.
2. *Журавлева В.Ю.* Концепция «умной силы» и стратегия национального развития Б. Обамы // Россия и США в XXI веке. 2011. № 2.
3. *Грант Ч.* Россия, Китай и проблемы глобального управления / Центр европейских реформ; Московский центр Карнеги. М., 2012.
4. *Захаров А.И.* Вступление Индии в глобальный мир: особенности пути // РСМ. 2020. № 2 (107). С. 113–134.
5. *Виноградов И.С.* История развития внешней политики КНР // Общество: философия, история, культура. 2018. № 6 (50). С. 72–77.
6. *Сун Лэй.* «Китайский путь» – путь социализма с китайской спецификой // Власть. 2017. № 11. С. 152–157.
7. *Просеков С.А.* Достижения и проблемы социально-экономического развития современного Китая (К 40-летию реформ Дэн Сяопина) // Теоретическая экономика. 2018. № 2 (44). С. 22–28.
8. *Ли Янь.* Концепция глобального управления Си Цзиньпина. Теоретическое содержание и практическая руководящая значимость // Свободная мысль. 2019. № 2 (1674). С. 65–80.
9. *Евдокимов Е.В., Элембаев И.Х.* Основные аспекты и распределение ролей при формировании внешней политики Китая на современном этапе // Молодой ученый. 2016. № 1 (105). С. 543–551.
10. *Ряснов И.А.* Политика Китая в ООН // Власть. 2014. № 3. С. 157–159.